

РОЛЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА

В качестве особой единицы анализа художественного текста выступает текстовая категория «образ повествователя». Образ повествователя, как и другие текстовые категории, обладает основными свойствами целого — целенаправленностью и композитивностью, а также общностью семантических функций выражающих её языковых элементов [1, с. 534]. В рамках стилистики художественного текста образ повествователя рассматривается как категория, выражающаяся совокупностью языковых средств и их стилистических характеристик, воспринимаемых и анализируемых читателем. В настоящий момент внимание исследователей художественного текста сосредоточено в основном на лексическом и синтаксическом уровнях репрезентации текстовых категорий, что отражено и в исследовании образа повествователя. На наш взгляд, значительная часть смыслового объёма текста реализуется грамматическими средствами, употребление которых варьируется в зависимости от авторского замысла. В данном исследовании сосредоточимся на стилистической роли глагольных форм в выражении «образа повествователя» как текстовой категории. В качестве материала для исследования выбран художественный текст Л. Дранько-Майсюка «Водар вільготнага траўня» [2, с. 157–165].

В языковой системе русского языка глагольные формы обладают высокой коммуникативной значимостью. Так, по данным И.Б. Голуб [3, с. 99], художественный текст имеет по преимуществу глагольный характер, характеризуясь высокой частотностью употребления глагольных форм в сравнении с другими стилями. В повествовании глаголы выступают в роли организующего стержня повествования. Ещё А.М. Пешковский писал о способности глаголов «выстраивать подчиняемые ими слова (и целые предложения, как это выясняется далее) в длинную шеренгу последовательно подчинённых друг другу звеньев, совершенно аналогичных столбику из перьев под магнитом. Только они делают это легко, без затемнения смысла...» [4, с. 133]. Обладая разветвлённой системой грамматических значений, в повествовании глагольные формы способны экспрессивно и точно отображать авторский замысел и важнейшие логические категории, отражающие в сознании читателя необходимые аспекты воссоздаваемой действительности.

В художественном тексте «Водар вільготнага траўня» воссоздаётся план прошлого времени, включающий упоминание о событиях далёкого прошлого (план давнопрошедшего времени). В речи повествователя используются разнообразные формы глаголов в изъявительном наклонении, особым образом преподносящие события художественного текста читателю. Для воссоздания плана прошлого времени в начале повествования используются формы настоящего нарративного, функционирующие как знак

выделения событий повествователем: *Чуючы салодкую блізкасць аэрапорта, самалёт нізка **пралятае** над Лісабонам. У адным з дамоў у адчыненым акне, што пад самым чырвоным дахам, **наспяваю** заўважыць суламітную жанчыну. Яшчэ больш набліжэўшы да зямлі, самалёт наволі **праплывае** над гэтым чырвоным дахам, і жанчына **знікае** — для маёй памяці назаўсёды застаецца ў тым адчыненым акне...* С помощью форм настоящего нарративного прошедшие события представляются так, словно они происходят перед глазами читателя. В результате нейтрализуется временная и эмоциональная дистанция в восприятии читателем описываемых событий. Употреблённая в контексте форма настоящего расширенного (*застаецца*) подчёркивает позицию повествователя, указывая на факт продолжения в настоящем (момент речи повествователя) конкретного действия. Именно эта точка зрения повествователя и накладывает отпечаток на особенности стилистического использования глагольных форм в повествовании.

В повествовании активно используются различные конструкции, позволяющие избежать указания на план прошлого времени. Так, способствуют нейтрализации временной дистанции формы настоящего абстрактного: *Дык, мусіць, таму, што ў карнавальным Лісабоне будынкi **нагадваюць** панскі флот перад адплыццём у невядомы і таму больш новы, чым усім выдомы Новы свет.* Аналогичную функцию выполняет конструкция «модальное слово + инфинитив»: *У каравельным Лісабоне і ў двухтысячным годзе **льга** хіба што наважна **гутарыць** пра паэзію каталіцкай экспансіі.* Частотны в речи повествователя предложения с опущенной глагольной связкой, что представляет действие без формально выраженной связи со временем: *Занятак яркі і безвыніковы. Бо Лісабон — не Парыж. У Багдановіча таксама ж — пакутлівы і шлях да роднай мовы і таксама ж адзіная на гэтай мове прыжыццёвая кніга. А ў Багушэвіча — усё тая ж любоў да псеўданімаў...*

В речи повествователя используются формы будущего совершенного и будущего несовершенного, обладающие способностью к созданию временной перспективы повествования: *Дзеля жарту ўмовіліся, што тут, у Лісабоне, Інга **раскажа** пра Фернанду Песоа, а там, у Парыжы, куды мы **прыбудзем** праз два дні, я **распавяду** пра Гіёма Апалінэра. **Выйграе** той, хто ў сваёй вуснай аповесці **будзе** найбольш банальны.* Будущее совершенное предсталяют читателю события прошлого как ещё не произошедшие. Названные формы также обладают модальным оттенком уверенности в осуществлении действий, что отражает взгляд повествователя на эти события. Будущее совершенное, осложнённое модальным оттенком уверенности, может выступать как явный способ репрезентации точки зрения повествователя: *Падыходзячы да сквера, сказаў і пра тое, як тады, восем гадоў назад, у самы дзень ад'езду чыста літаратурна ўявіў, а пасля і занатаваў, што аднойчы бронзавы Апалінэр **прападзе, знікне**.* В целом формы будущего времени, используемые повествователем при рассказе о прошлом, создают иллюзию развития событий на глазах читателя.

План прошлого времени создаётся также формами перфекта в результативном значении: *Инга, вядома ж, **не забылася** і пра схільнасць*

Песоа да гетэраніміі — то-бок, **расказала** пра любоў паэта да псеўданімаў і тым самым **нагадала** мне, што иматімённыя выказвання — першая адметнасць гэтага пісьменніка. Данные формы конкретизируют в восприятии сознания читателя результаты основных действий и состояний, значимых для повествователя. Частотность перфектного результативного возрастает к концу повествования, что подчёркивается укороченной, в сравнении с остальными частями повествования, длиной фразы: *Я зірнуў... і на мяне абрынуўся нязвыклы, невядомы дагэтуль холад, нібыта маю душу прыціснула вялізным ледзяным каменем. Бюст сапраўды знік. У сваёй парыжскай прозе я **напрарочыў**: скульптуры не будзе! І вось яе няма! Адчуў сябе задаволеным (мае прароцтва **спраўдзілася**), і адначасова з гэтым вінаватасць **варухнулася** ў душы (на табе — **нагуляўся** ў прадказанні!).* Повторение ряда форм с одинаковыми грамматическими значениями сигнализирует о необходимости повышенного внимания читателя к приведённым фактам и усиливает воздействие на него.

В контексте форм прошедшего результативного употребляются формы настоящего нарративного, приобретающие в этом случае особое значение: *Инга змоўкла, і я лёгка ўявіў цудоўнага зайздросніка: вось ён ідзе па мястэчку Кашкайш, а вось на камяністым беразе акіяна **дастае** першую цыбуліну і падзіцячы яе шпурляе ў лазурковую ваду; пасля **дастае** другую цыбуліну, трэцюю...* Данные формы придают экспрессию повествованию, живость событиям, помогают избежать указания на временную дистанцию, что формирует у читателя эмоциональное восприятие плана в данном случае событий давнопрошедшего плана времени. Настоящее нарративное служит здесь способом оформления существующей для повествователя связи между планом давнопрошедшего и прошлого времени.

Формы имперфекта используются повествователем при воссоздании событий плана прошлого в близком его душе Париже: *Я глядзеў на манпарнаскую вежу, за якой выяўна ўгадваўся малахіт Люксембургскага саду, і мая прысутнасць тут самохаць **ішла** ў турму метафарычных гроз. Инга **прагнула** пачуць пра тое, пра што ведала сама.* Конкретно-процессное значение форм имперфекта указывает на длительность описываемых действий и состояний, расширяет временные границы, превращая ретроспективную позицию читателя в интроспективную. Тем самым читателю передаётся точка зрения повествователя на восприятие описываемой действительности.

План давнопрошедшего времени в повествовании возникает в связи с именем известного французского поэта — Фернанду Песоа. Как средство оформления данного плана повествователем используется имперфект в неограниченно-кратном значении: *А яшчэ, наводле Ингі, — вялікі партугалец некалькі разоў на дзень **праціраў** спіртам свае акулярны; **любіў** кідаць у Атлантычны акіян цыбулю (у кішэнях яго лонданскага гарнітура заўсёды было з дзесятак цыбулін); **тушыў** папіросы не ў попельніцы, а ў шклянцы з рэштай віна; **спаў** не на падушцы, а на кнізе, якую **чытаў** перад сном; **галіўся**, гледзячы не ў люстэрка, а на бліскую металёвую паверхню чатырохствольнага пісталета; **жабракам даваў** не грошы, а ежу (часцей за ўсё*

скрылікі свежага сыру); у кавярні звычайна займаў два крэслы — адно для свайго чорнага шыракаполага капелюша; заўсёды меў пры сабе маленькую асадку, зробленую з кракадзілавага зуба; за свае сорак сем гадоў шмат напісаў, але неверагодна мала друкаваўся. Нанизывание большого числа однородных глагольных форм придаёт повествованию квалифицирующий, качественный оттенок, воссоздавая образ Фернанду Песоа как человека привычки.

Таким образом, в художественном тексте Л. Дранько-Майсюка глагольные формы и их темпоральные характеристики выступают как способ оформления образа повествователя. Наиболее явной репрезентация образа повествователя становится в тех случаях, когда глагольные формы приобретают особую смысловую функцию за счёт наличия стилистических характеристик. Образ повествователя в наибольшей степени реализуется в особом способе представления читателю событий плана прошлого времени, что достигается включением в повествование форм настоящего нарративного и будущего совершенного и несовершенного. Использование данных грамматико-стилистических средств в повествовании о прошлом выступает как скрытый способ эмоционального воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеева, Т.В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука. – 2003. – С. 533–536.
2. Дранько-Майсюк, Л. Кніга для спадарыні Эл: проза, вершы, п’еса. – Мінск: Кнігазбор, 2012.
3. Голуб, И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1989.
4. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001.